

Позднее сожаление / рассказ

Category: Nekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 21 января, 2025

Позднее сожаление / рассказ Гурбанназар Оразгулыев

Оразгулыев Гурбанназар родился в 1958 году в селе „Берекет“ этрапа Героглы в семе служащего. В 1975 году поступил на факультет туркменской филологии Туркменского государственного университета, с 1978 года продолжил учебу на факультете журналистики Уралского государственного университета (Екатеринбург). Трудовую деятельность начал в редакции газеты „Комунизм ёлы“ Дашогузской области. Затем работал в редакциях различных республиканских газет и журналов, был главным редактором телеканала „Туркменистан“, редактором объединения „Туркменфилм“. В настоящее время работает главным редактором журнала „Дияр“. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Член Союза писателей Туркменистана.

► ПОЗДНЕЕ СОЖЕЛЕНИЕ

рассказ

Халмурат-ага так и не сомкнул глаз. И вовсе не короткая летняя ночь было тому виной. Как ни допытывалас утром жена: „Чего это ты всю ночь ворочался с боку на бок? Может, врача надо позват?“, он толко отмахнулся от нее с раздражением: „Ничего не надо. Я здоров как бык. Проста не спалос“.

Я причиной бессонниси и плохого настроения были вчерашние слова Какыша-узына. Он как пришел, только и говорил, что о предстоящем посте рамазане. Крошки в рот не взял, лиш чай пил. Халмурад-ага с готовностью поддержал тему:

– Вот вчера я одну книгу прочитал. „Хадусы“ пророка Мухаммеда. Оказывается, пост рамазан – это не только воздержание от еды, но и от плохих дел от брани, ссор, ругани... я для себя тоже решил в этом году пост держать. Мне кажется, это нужна.

Медицина, опят-таки, поддерживает. Говорят, что за дни поста организм очищается от шлаков. Но и душу тоже надо очищать от грязи, я думаю.

Какыш-узын на это ответил неожиданно резко:

– Уж тебе-то точно надо. Конечно тебе хочется предстать перед Аллахом с чистой совестью. Но согласятся ли наши аксакалы стоять рядом с тобой на тарава и читать молитву? Ты об этом не подумал?

– Как так? Почему? В чом моя вина?

Какыш не стал ходить кругами говорить намеками. Резанул по живому:

– А ты у себя спроси. Вспомни, каую ты воду лил на нашу мелнису, когда стоял у власти?!

Халмурад-ага после этого выпада не проронил ни единого слова. Какыш ешо немного посидел, пытался говорить о чем-то обыденном, но, чувствуя затянувшееся молчание хозяина. Заторопился домой. Однако не удержался, подсыпал на прошение ешо шепочку соли:

– Думаеш, люди забыли, как ты проводил в последний пут отса, когда сам был „первым“? Тогда ты и мысли не допускал, что всё так обернётся. Жизнь она такая штука, она всё на своейи места поставит рано или поздно, и ничего ты с этим не поделаешъ, как не крути. Ну, да ладно, чего теперь...

Халмурад-ага долги ешо сидел один, о чом-то размышлял. Брови его грозно сдвинулись к переносице. Глубокие вертикальные складки разделили лоб на две части. Жена, потихоньку собиравшая со скатерти остатки ужина, расслышала, как он, глубокого вздохнув, растерянно произнес:

– Да, я тогда был не прав. Но я и не мог...

Десять лет назад Халмурат Аннамуратович был важной персоной. На тен его поступить не смели. А как же! Разве кресло первого секретаря райкома недостаточно весома?! В то время, когда все вопросы величинойёт иголки до верблюда решались под флагом „политика партии“, слово первого секретаря было законом. И он твёрдо в это уверовал, как и все остальные вокруг. Все, кроме ондого человека, – его отца Аннамуроада.

Было между ними одна принципиальное разноглазие. Отес строго

придерживался всех религиозных обрядов. С возрастом он не все чаще говорил о смерти. Но он не боялся ее. Вовсе нет. Он считал, что смерть – это естественный переход в иную форму жизни. Но вот в какую, это, по его мнению, зависело от того, как человек прожил свою жизнь на земле. Был ли он честен перед людьми, совестью и Аллахом, или же хитрил, кривил душой, искал личной выгоды, – все будет влиять на дальнейшую судьбу его души. Сыну это философия не нравилась, и он грубо прерывал размышления отца, о вере, грехе, заповеднях священной книги всех мусульман.

– На дворе XX век, цивилизация, социализм, коммунизм строим, а ты как в другом мире живешь. Аллах нам ничего не даёт этой жизни. Ты лучше почитай последнее постановление партии – вот золотые слова о благе народа. А ты, говорят, опять пост держишь? Ну сколько можно тебе объяснить...

– Мне кажется, – выпрямился перед ним Аннамурад-ага, – что этот вопрос касается только меня. И никакая партия не имеет к этому никакого отношения.

– Вот, значит, как? Жаль, что ты мой отец. Был бы кто другой на твоём месте, я бы ему живо объяснил, что наша организация ко всему на земле имеет отношение. Мне же потом другие будут в глаза тыкать, что мой отец, отец первого секретаря, ведет себя как отсталый элемент.

– А ты им прямо скажи, что я всегда был честен перед государством и людьми, и сколько бы мне там не осталось, проживы тоже потеряв совести, и как можно праведнее.

Видя, что отца не переубедить, Халмурад Аннамурадович еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик, сказал медленно, чуть ли не по слогам, четко отделяя слова друг от друга, словно диктовал машинистке текст очередного постановления:

– Я думаю, будет правильнее, если в этом доме никто не будет держать пост и читать намаз.

– Ах, вот как! – не на шутку разозлился отец. – Ну, слава Богу, наконец-то высказался! Ну прямо как на собрании. Поблдеднел-то как, словно испугался чего. Ясно, что тебя волнует. Не обо мне, не о моей душе забитишься, за свою должность ты переживаешь. Мне беспокоиться нечего. Я не

пропаду. У меня кроме сына есть еще дочь.

– Аннамурад-ага, недолго думая, собрал в узелок свои пожитки и на другой же день налегке ушел в соседнее село к дочери Арзыгүль. Она встретила его радушно. Засуетилась, закружилась вокруг отца, захопотала, приговоривая: „Глаза и брови мои мне в тягость, а родной отец – в радость. Самая мягкая постель, самая вкусная еда твоими будут. Если скажут: „ У тебя отец верующий“ и уволят с работы, я стану домохозяйкой, а муж и сын нас прокормят“.

Старик расчувствовался от такого приема, прослезился:

– Была бы жива твоя мать, я бы не скитался сейчас от одного угла к другому. Если её душа сейчас видит нас, она, наверно, довольна...

Никто теперь не мешал Аннамураду-ага поступать так, как он считал нужным. Старейшие села проходили к нему побеседовать о Боге, о том, что ждет их после смерти. С виду всё было у Аннамурада-ага хорошо, но в самом дальнем уголке сердца острой занозой сидела обида на сына.

В ден, когда ему исполнилось 63 года, Аннамурад-ага, как полагается, сделал „ак гоюн той“ – праздник жертвоприношения белого барана в чест пророка Мухаммеда, который умер в 63 году. Все свои накопления он истратил, не скупясь. Ни копейки не взял ни у дочери, ни у сына. Сам съездил на базар и закупил все, что полагается. И так славно все получилось! Все село пригласил. Всем место хватило. Он радовался, что столько много народа пришло на его праздник. А через шесть дней Аннамурад-ага неожиданно умер. Дочери напоследок упел сказать:

– Дочка, я доволен тобой. Ты хоть женщина, создание слабое, но оказалас сильнее предрассудков. Есть у меня к тебе еще одна просьба. Обещай, что несмотря ни на что, после моей смерти совершиш все обряды – аят, джиназа – вообщем, проводишь меня последний путь как истинного мусульманина. Проводи меня из дома. Не дай Бог зделать из меня посмешище. А то хватит кое у кого ума устроить митинг-ситинг, положить меня на камни... если так сделаете, то я в могиле...

Он не договорил. Душа его отлетела. Запричитала, заплакала в полный голос дочка, эе слезы омылы лисо отса...

Яшули опасался э зря. Модно было хоронит колхозника с почотом, украшая прошалную речь словами: ветеран войны, ветеран колхозного строительства, пердовик производства. Как будто только казенных фраз и заслуживал покойный, а не участливого человеческого слова. Ограждалис от стариков заслоном из красивых лозунгов, лишь бы не дать им похоронить человека по мусульманским обрядам. На каждом селськом кладбише у входа отвели спесиальную площадку для митинга, возвели кафедру и каменный постамент, куда на время митинга клали покойного. Чинно, по списку подходили к кафедре выступающие. Говорили о том, что „Такой-то-ага“ был для всех примером в колхозном строительстве, ярким маяком и светлым примером. И так далее и тому подобное в том же духе.

Узнав о смерти отца, Халмурад Аннамурадович предложил было стариком:

– Давайте по-новому похороним и джиназа проведем на кладбише.

Но ему хором бозразили:

– Нет. Последняя просьба покойного совсем другой. Тот, кто пойдет против его воли, тот никогда ни на этом, ни на том свете не найдёт покоя. Он все успел наказать дочери. Спроси у нее.

Халмурад только ругнулся про себя, что своевольный старик и после смерти заставляет все делать посвоему.

Когда же он увидел огромную толпу людей, пришедших на джиназа, спазмы сжали его горло. Он не обрадовался, что отца с таким почетом провожают в последний путь. Испугался, как бы ему не поставили в упрек, что похороны прошли с соблюдением всех религиёзных обрядов в присутствии такой массы народа. Он совершенно не стыдился, что отца провожают не из его дома. Даже обрадовался, что это послужит его оправданием. Мол, все сестра устроила без его ведома. Успокоенный, он внов подошел к аксакалам:

– Кто из вас будет совершат джиназа? Давайте, торопитес...

Но его опять одернули:

– Твоего отца и живого никто не торопился провожат побыстрее.

Лиш один яшули сказал примерительно:

– Не спеши, сынок. Время еще есть. Ведь в последний раз

видитес...

Халмурад понял, что тут с ним никто советоваться не станет, больше ни во что не вмешивался, отошел к своей машине как посторонний.

Когда же, наконец, тело покойного подняли на руки и похоронная процессия направилась к кладбищу, он сел с „Уазик“ и последовал за толпой, закрывая клубами пыли утоптонную тропинку. Он не решился нести тело своего отца. И никто не позвал его, будто заранее знали, что он из-за своего кресла откажется под каким-то предлогом. Его вообще будто не замечали. И когда смотритель кладбища сказал, как полагается:

– Если есть сын у покойного, пусть первым бросит землю в мотилу,
– Аширгулы-ага нохатя, с явным сожалением, протянул ему лопатку. И это вдруг болно задело его.

Не обратилось к нему за помощью и сестра. Все расходы она взяла на себя. Халмурад не пришел ни на третий день, ни на седьмой, ни на сороковой...

Злые языки говорили, что вскоре после отстранения от должности Халмурад хотел совершить аят в честь отца у себя дома, а Касым ишан ему прямо в лицо сказал: мол, когда ты сидел в кресле, не вспоминал об отце, а он, якобы, ответил: „Что поделаешь, ишан-ага, мы тоже были тем молотком, который нам дали, так, так уж случилось...“

* * *

Правильно говорят: „Не помрешь, так постареешь“. Вот Халмураду теперь самому 63 года. Сыновья женились, дочери вышли замуж, все жили своими домами. Друзей – раз-два и обчелся. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь. Решил он с женой посоветоваться:

– Как ты думаешь, если я начну держать пост, а аксакалы непримут меня, не лучше ли временно пожить у нашей дочери Бягуль в соседнем селе?

– Да ты что, ты что! Что люди там скажут? Подумают: выгнали из своего села, так он к нам пришел. Это же какой позор для нас всех!

– Что же мне делать?

В поиске ответа на этот вопрос Халмурад-ага провел еще одну бессонную ночь.

А утром вновь пришел Какыш-узын. Халмурад ему не обрадовался, но Какыш спешил с хорошей вестью:

– Вчера после таравы мы говорили о тебе. Пиркулы-ишан так рассудил: „Того кто сожалеет о своих несправедливых поступках, Бог прощает о своих несправедливых поступках, Бог прощает. Мы, слуги Господа, тоже должны так поступать. Если Халмурад пойдет в другое село держать пост, то нам будет стыдно. Разве не скажут люди: „А что, у вас свои аксакалы перевелись?“ Пусть приходит. Перед Аллахом мы все равны, не нам и судить“. Так что я зайду за тобой. Вместе пойдем.

И вновь после ухода Какыша Халмурад долго сидел молча. Даже на расспросы своей жены не отвечал. Глубокого вздохнув, он, наконец, сказал:

– Эх, жена, жена! Велика людская доброта, велика... а я всю жизнь прожил, не замечая этого...

И жена ничего ему не возразила.

Перевод Ромелла МАРТИРОСОВОЙ. Некаýalar